

УДК [323.22 + 316.3/4]

С.Н. ЧИРУН

МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ПУТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПУБЛИЧНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматриваются основные научные трактовки понятий “молодежное движение”, “молодежные организации”, проводится их анализ, раскрываются основные характеристики, элементы, приводятся типологии. Наряду с традиционными формами рассматриваются также инновационные “постмодернистские” формы молодежного движения и его значение для молодежной политики.

Введение

Заметную роль в осуществлении публичной молодежной политики сегодня играют общественно-политические организации и движения. На наш взгляд, современное молодежное политическое движение (МД), являясь формой коллективного политического действия и/или участия, а также механизмом и, в некоторых случаях, этапом политической социализации, представляет собой синергичную модель субъектной самоактуализации молодежи в молодежной политике постмодерна, доступную (вследствие институционального плюрализма) и популярную для пассивной молодежи.

Социализацию можно рассматривать как систему многоакторной молодежной политики, в которой акторы имеют близкие ранги и отсутствуют явные лидеры. Она характеризуется высокой степенью анархичности и неопределенности выбора жизненных траекторий. В этом случае молодежная политика представляет собой процесс управляемой социализации молодежи.

В целом же, молодежная политика – это, по нашему мнению, сложная, идеократически детерминируемая, исторически дифференцируемая, многоуровневая система взаимодействия молодежи с институтами и агентами социализации, с акторами, представляющими видное разнообразие молодежной политики, а также между классово- и культурно-стратифицированными группами современной молодежи.

В.К. Криворученко пишет о молодежной политике как о совокупном отношении “к молодому поколению, юношескому движению...” [1, с. 149]. По мнению А.А. Костровой, “совокупная деятельность общественно значимых субъектов политики и, прежде всего, молодежных объединений... придают молодежной политике характеристику публичной политики” [2, с. 27]. Существует подход, согласно которому сама молодежная политика представляет не что иное, как стратегию и тактику молодежного движения [3, с. 22].

Распространен подход, в котором МД рассматривается во взаимосвязи с патриотическим воспитанием и политикой [4]. Ряд исследователей трактуют молодежное движение как синоним молодежной субкультуры [5, с. 465].

Ф. Малер рассматривает молодежное движение в качестве механизма “освобожденной социализации” [5, р. 48]. Подобной же точки зрения придерживаются такие исследователи, как В. Адамски, О. Бэдина, Н.М. Блинов, Р. Даткулеску, Ф. Гажо, И.М. Ильинский, А. Матейовски, Г. Мюллер [6]. В концепции политологов М. Карвата и В. Милянковского молодежные организации и МД производят из молодого поколения новое качество, “...создают из него общественный субъект...” [6, с. 16]. Исследователь Н.А. Хохлова определяет молодежное движение, как совокупность молодежных организаций [7, с. 18].

В.А. Луков видит в МД способ участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений [6, с. 66].

По мнению И.Н. Кольжановой, молодежь представляет собой наиболее удобный инструмент для организаторов переворотов, поскольку именно "...против молодежи вдвойне преступно использовать силу" [8, с. 17]. Молодежь эпохи постмодерна управляема при помощи маркетинговых и пиар-технологий: организации флэш-мобов, раздачи маек, кепок, наклеек, шаров и т.д. Медиасредства коммуникации являются для молодых привычными источниками ценностей. Обостренное гендерное восприятие обеспечивает интерес юношей и девушек к эпатажным субъектам политики. В постмодерне для молодых людей уже не существует значимых идеологических оснований, способных их объединить и организовать, поскольку они ей не интересны, сама жизнь гораздо насыщеннее и чувственнее. Им чрезвычайно импонирует игровой стиль современной жизни – риск и неопределенность, яркость и красочность прилагаемых усилий. Именно поэтому молодежные группы наиболее восприимчивы к постмодернистским технологиям в политике. Многие политические движения уже сейчас являются постсовременными, они, вбирая в себя осколки классических идеологий, ориентированы на эпатаж и аффект, на неформальное, чувственное восприятие действительности.

Впрочем, политолог И.П. Якушева, напротив, отмечает высокую степень формализации процедур, связанных с созданием "оранжевых" молодежных организаций и использованием технологий МП для активизации в обществе протестных настроений. Причем данная технология, по мнению исследователя, была "...основана на использовании стандартного набора способов и моделей организации деятельности, предполагающих использование как имеющихся общественных объединений, так и создание новых, претендующих на лидерство..." [9, с. 64].

Однако следует заметить, что современная молодежная политика уже не ориентирована на будущее, она исходит из важности ситуации и соответствия моменту, что характеризует ее сущностную трансформацию. Так, А.Г. Дугин констатирует трансформацию самой природы политики и ее превращение в пост-политику [10].

Основная часть

Несмотря на достаточно высокий научный интерес к различным аспектам молодежных объединений, вопрос о характере субъектности молодежи, ее роли в функционирующей в России модели молодежной политики до сих пор нуждается в теоретическом осмыслении с учетом нынешней общественно-политической ситуации, долгосрочных целей общественного развития и новых вызовов, а также тенденций социальной идентификации молодежи.

Здесь сохраняется, а в условиях постмодерна даже углубляется ряд проблем, требующих аналитической проработки. К ним можно отнести:

- концептуальное осмысление роли и места молодежных организаций в системе молодежной политики современной России;
- выявление доминирующих геополитических и внутривнутриполитических процессов, влияющих на роль молодежного движения в трансформации молодежной политики;
- выявление причин трансформации субъектности молодежи постсовременной России в молодежной политике;
- определение актуальных политических, социально-экономических, социально-психологических, ситуационных, организационно-управленческих, инфор-

мационно-коммуникационных аспектов формирования и функционирования обновленной модели молодежной политики, отражающей императивы постмодерна.

Молодежная политика в наше время представляет собой процесс, развертывающийся от политического к постполитике. Она становится виртуальной, существующей только в пространстве презентации, в высказывании, в плоскости “экрана”. Политическое исчезает как таковое, теперь начинается иной процесс – процесс постполитики. В постполитике происходит перманентное рециклирование десемантизированных псевдополитических высказываний. Их наполнение может быть произвольным, герои сюжетов – любимы, сценарии и драматургия ничем не связаны с реальностью. Виртуальный мир медиакратии не просто творит мир, он его растворяет, настойчиво навязывая собственную “повестку дня”.

В постполитике, пишет А.Г. Дугин, упразднены цель, традиционное понимание власти, долга, ценности, а главным смыслом постполитики является игра. “...Множество сингулярностей движутся спонтанно в виртуальном пространстве, созерцая заведомо бессодержательное нескончаемое “зрелище”, подчиняясь спонтанным спорадическим импульсам... Эти постполитические импульсы суть последние следы автономной онтологической организации человеческого существа... Проявляясь в постполитическом пространстве, они мгновенно вспыхивают и гаснут...” [10, с. 285].

Высшей властью в постполитическом обществе обладают СМИ. Быть актером, субъектом в “постполитике” означает “быть показанным”, “упомянутым”, “отмеченным”. Виртуальный мир медиакратии не просто творит мир, он его растворяет, настойчиво навязывая собственную игровую, ироничную повестку дня. И хотя в таком обществе политика не исчезает, но исчезает традиционное “политическое”, и, соответственно, политика становится полностью дезонтологизированным полем игры случайных псевдополитических образов.

Рассматривая процессы по смене политической власти в ходе “оранжевых” революций, в том числе и события 2000 г. в Югославии, где оппозиция отстранила от власти С. Милошевича, становится очевидным, что они проходили по схожим сценариям (в Грузии, на Украине, Киргизии). При этом, как представляется, сходство “революционных” технологий ненасильственных действий оппозиционных политических сил, применявшихся в Югославии, Грузии, на Украине и в Киргизии, доказывает, что данные события, во-первых, были организованы и поддержаны извне, а во-вторых, не были прямым следствием глубоких кризисных политических, экономических и социальных процессов в указанных странах. То есть “оранжевая” революция, в отличие от просто “революции”, имеет экзогенный (сформированный извне) характер. Это, в частности, подтверждается тем, что ни в одном из этих государств не произошли значительные изменения в общественно-политической системе.

По мнению большинства политических наблюдателей, никто в этих странах не собирается всерьез заниматься ротацией элит, приоткрывая каналы политической мобильности, вводить в элиту пассионариев из низов. Такова практика, а не конъюнктурные намерения, тиражируемые в заявлениях лидеров “цветных” революций. Ротации подвергается лишь часть политической и экономической элиты, как правило, противостоявшая тем, кто одержал верх в битве за власть в республике. Разумеется, местные кланы производят передел сфер влияния, но никаких серьезных изменений в осуществлении экономического и социального курса не происходит, поскольку большинство представителей новой “революционной элиты” занимали весьма высокие посты при прежних режимах.

Таким образом, в ходе так называемых “оранжевых” революций молодая и прозападная часть элиты, используя технологии молодежной политики постмодерна, протестную энергию широких масс населения, стремление молодежи к субъектности, представленности в политике, захватывала власть у более консервативной части политической элиты.

В политической литературе феномен “цветных” революций справедливо представляется как приуроченный к какому-либо важнейшему политическому событию в той или иной стране (как правило, выборам) политический переворот, осуществляемый при поддержке иностранных государств с целью надления властью политической группировки, управляемой извне. При осуществлении этой деятельности используются новейшие научные разработки в области социальной психологии (технологии манипулирования сознанием) для активизации, как правило, среди политически пассивной части населения особых некритических, зависимых, контролируемых, управляемых состояний политического сознания. В Грузии и на Украине в качестве такой силы выступала группировка национал-либеральных политиков западной ориентации. Политический переворот (“революция”) совершается при помощи комплекса пропагандистских и организационных мероприятий, целью которых является вовлечение в процесс уличной борьбы (перманентных митингов, блокады административных зданий, перекрытий автодорог и т.п.) как можно большего числа людей. Цель этих массовых акций – давление и шантаж на власть, принуждение ее к переговорам с политической оппозицией и в конечном счете к сдаче своих позиций и полной политической капитуляции. Движущей силой массовых акций служат молодежные организации, а организационным и идейным ядром выступают особые, заранее подготовленные и профинансированные структуры, рекрутирующие в свои ряды в основном студенческую и маргинальную молодежь. Так, украинская молодежная организация “Пора” была создана в 2001 г., а подготовке ее активисты прошли в Сербии.

Интересен опыт некоторых государств, перенесших “цветные” революции.

Молодежная организация “Отпор” появилась в Югославии (в Сербии) в 1996 г. По признанию ее создателей, за движением стояла ранее сильно разобщенная сербская политическая оппозиция. “Отпор” избрал своей эмблемой провокационно сжатый кулак. С помощью американского финансирования (National Endowment vor Democracy, International, Republikan Institutc, Open Society institutes, The Soros Foundation) это движение оформилось в мощную политическую молодежную организацию. Примечательно, что участники «Отпора» начинали с того, что по ночам рисовали граффити на стенах домов: сжатый кулак и лозунги “Время пришло”. На одежде “отпоровцев”, наряду с традиционным кулаком, было требование перемен.

Активистов “Отпора” тренировал в Будапеште полковник ВВС США Роберт Хелви. Тренировки с использованием методов ненасильственного сопротивления проводились в соответствии с рекомендациями, изложенными в работе Дж. Шарпа “От тоталитаризма к демократии”. В Грузии, наряду с массовым молодежным движением, ключевую роль в оппозиционной агитации и активизации политического сознания населения сыграл ТВ-канал “Рустави-2”, который спонсировал лично Джордж Сорос через свой Институт “Открытое общество” (Фонд Сороса).

В России, как и в Беларуси, данный проектный сценарий осуществления молодежной политики был заранее обречен, поскольку факторы обесценивания либеральных ценностей и, напротив, повышение значения национально-консер-

вативных установок в молодежном самосознании создали предпосылки для активизации деятельности теллурократических (евразийских и умеренно националистических) молодежных движений и активизации их борьбы с движениями, как правило, спонсируемыми из-за рубежа, придерживающимися таллосократической (мондиалистской) геополитической ориентации.

Особенностью Беларуси стало не только отсутствие объективных предпосылок для “оранжевой” революции, но и то, что Президент республики А.Г. Лукашенко в действительности пользуется поддержкой большей части своего народа, и набранные им на выборах 79,67% голосов отображают реальную расстановку политических сил. Свои лидерские качества, отразившиеся в намерении решительно отстаивать суверенитет страны и пресекать любые попытки силового захвата власти, он продемонстрировал в ночь на 20 декабря 2010 г.

Объективные закономерности и результаты развития экономической и социально-политической ситуации в постсоветских государствах все рельефнее показывают возрастающее значение молодежи в политической жизни. Типовая “революционная” молодежная организация образца начала XXI в. по технологии американского политолога Дж. Шарпа не имеет единоличного лидера, чтобы не быть обезглавленной, а основной стратегией своих действий по дестабилизации политического режима и захвату власти, согласно Дж. Шарпу, молодежь избирает ненасильственное политическое сопротивление, что представляет собой синтез анархизма с методами современной психологической войны.

Таким образом, ведущей движущей силой “цветных” революций выступили массовые молодежные политические движения и организации. Путем спланированной и хорошо скоординированной деятельности, направленной против существующего политического режима, используя современные технологии манипуляции, они добились политизации общественного сознания и всплеска политической активности населения в интересах определенных геополитических акторов.

Характеризуя технологические особенности молодежной политики, задействованные в проведении “цветных” революций на постсоветском пространстве, можно отметить следующие особенности:

1. Действующие молодежные группы были консолидированы либеральными и частично социал-демократическими лозунгами, идеями демократии и правового государства.
2. Манипуляция политическим сознанием политически активной молодежи осуществлялась при помощи сетевых технологий.
3. Значительная часть традиционно политически инертной молодежи втягивается в события под влиянием массового психологического заражения, проникаясь иллюзиями “общности целей”.
4. Политическим манипуляторам удается внушить широким массам молодежи, что их плачевное положение связано с конкретным “антидемократическим” режимом, что приход “демократического” правительства решит если не все, то большинство текущих острых проблем.
5. После свершившегося переворота молодежь обнаруживает себя обманутой, сталкивается с жесткими неолиберальными реформами, со снижением уровня жизни, социальной и правовой защищенности.

В этом случае уместнее говорить о симулякре субъектности молодежи в молодежной политике, нежели о ней как реальном состоянии.

Отметим, что и в настоящее время в антиправительственных выступлениях в Египте (конец января 2011 г.) участвуют в основном молодые люди, воодушевленные постмодернистской революцией декабря-января 2011 г. в Тунисе.

Указанная стратегия и тактика молодежных движений направлена на делегитимацию существующих политических институтов, захват политической власти в стране в целях смены политического режима. Используемый нами институциональный подход к изучению публичной молодежной политики диктует потребность выявить специфику всех ее субъектов, ибо реальная жизнь складывается как интегрированный результат сложной политической “игры” разнообразных акторов, действующих на общественной сцене [2, с. 75].

В 2009 г. Кузбасским отделением Центра консервативных исследований под научным руководством декана факультета политических наук и социологии профессора В.В. Желтова проводилось исследование региональной модели политического участия студенческой молодежи. Использовалась стратифицированная выборка среди студентов семи кузбасских высших учебных заведений с общей выборочной совокупностью 1205 человек. Опрос проходил в октябре-декабре 2009 г.

Наше исследование показало, что кузбасские студенты демонстрируют высокую солидарность в самом факте неприятия радикальных моделей трансформации политического режима и в подавляющем большинстве высказывают симпатии по отношению к политическому курсу Президента Республики Беларусь.

Заключение

В условиях социальной неопределенности, характерной для общества постмодерна, молодежное движение становится значимым актором публичной молодежной политики, важным механизмом политической социализации молодежи и воспроизводства социально-политических отношений в обществе. Однако при этом сами участники могут являться объектами технологий манипулятивного воздействия и быть лишены собственной реальной субъектности.

С другой стороны, анализ политического участия молодежи в современной России, по нашему мнению, показывает наличие здесь большого количества нерешенных вопросов. Потребность определенных групп молодежи, связанная с участием в политическом процессе, направляется в условиях существующих ограничений в латентные каналы, неконвенциональные формы, что в ситуации российского постмодерна приводит либо к активизации сетевых экстремистских проявлений, либо усилению “синдрома абсентеизма”. Эти явления – часть общего кризиса массового сознания, отчужденности части молодежи от политических институтов, недоверия его государственным институциональным структурам, могут являться предпосылкой генезиса постмодернистских, сетевых и прочих как инновационных, так и традиционных форм молодежного экстремизма. В российской модели государственной молодежной политики получает распространение избирательная стигматизация властью молодежных групп, организаций, движений, отдельных молодежных лидеров (часто не представляющих реальной угрозы общественной безопасности) в качестве экстремистов с целью создания образа врагов общества для последующего списания на них своей вины за просчеты (неэффективность) во внутренней, а иногда и внешней политике государства.

С другой стороны, многие члены молодежных организаций (движений), сформированных и финансируемых российским государством (например – “Наши”), имеют ярко выраженную экстремальную политическую идентичность, что проявилось со всей очевидностью при организации форума “Селигер-2010”, и при определенных обстоятельствах (оказавшись не у дел, будучи не востребованы властью) могут, сохраняя присущий им радикализм, превратиться из горячих приверженцев режима в его непримиримых противников – экстремистов. Так, сегодня уже получили известность факты преследования “Нашими” бывше-

го префекта СЗАО г. Москвы О. Митволя, воспрепятствовавшего захвату ими городской недвижимости.

Все это означает, что государство должно выбирать своих “союзников” из числа молодежных движений, руководствуясь объективными критериями и научным подходом, а ключевая функция молодежных организаций и движений, поддерживаемых государством, должна заключаться в активизации социально-политического развития молодежи, в повышении ее реальной, действительной субъектности в молодежной политике (но не ее симулякров), предотвращении тенденций социального отчуждения и маргинализации молодежи, активизации социального участия на основе самоопределения и укрепления гражданской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Криворученко, В.К.** Молодежь и молодежная политика: термины и понятия / В.К. Криворученко. – М. : Национальный институт бизнеса, 2005.
2. **Кострова, А.А.** Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А.А. Кострова. – М., 2008.
3. **Забелин, П.В.** Молодежная политика: стратегия, идеи, перспективы / П.В. Забелин. – М. : Луч, 1998.
4. **Ковалева, А.И.** Социология молодежи: теоретические вопросы / А.И. Ковалева, В.А. Луков. – М. : Социум, 1999.
5. **Mahler, F.** Introducere in Juventologie. Bucuresti: Ed. Stiintifica si enciclopedica, 1983.
6. **Луков, В.А.** Молодежное движение в социалистическом обществе / В.А. Луков. – М. : Мол. гвардия, 1987.
7. **Хохлова, Н.А.** Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Н.А. Хохлова. – Н. Новгород, 2007.
8. **Кольжанова, И.Н.** Общественно-политические молодежные движения в современной России: масса, элиты, лидеры : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И.Н. Кольжанова. – Ростов н/Д, 2006.
9. **Якушева, И.П.** Современные молодежные движения как фактор активизации политического сознания в Российском обществе : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И.П. Якушева. – М., 2007.
10. **Дугин, А.Г.** Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ : дисс. ... доктора полит. наук : 23.00.02 / А.Г. Дугин. – Ростов н/Д, 2004.